

Виктор НЕКРАСОВ

ПИСЬМА С ФРОНТА

(Публикуются впервые)

Битва за Сталинград, шестидесятилетие которой мы отмечаем в эти дни, у людей старшего поколения нераздельно связана с именем писателя Виктора Платоновича Некрасова - участника событий, автора знаменитой повести «В окопах Сталинграда», которая была едва ли не первым в нашей литературе полнокровным, честным отражением войны по следам событий.

Окончив Киевский строительный институт, архитектор Некрасов неожиданно сделался актером Ростовского театра Красной Армии, откуда и ушел на фронт дивизионным инженером. Харьковское отступление, Сталинград, ранение на Дону... Осенью 1943 года Некрасов оказался в бакинском госпитале, а сразу после освобождения Киева лечащий врач разрешил ему по дороге в часть заехать в родной город.

Письма, публикуемые сегодня, адресованы Виктором Платоновичем матери, Зинаиде Николаевне. В них нет описания героических фронтовых будней, моментами вообще кажется, что автор - не на войне, а чуть ли не на курорте: «хорошо искупался», «загорали»... Но, учитывая даже ограничения военной цензуры, нельзя забывать: это пишет солдат. Мужчина. И пишет он матери, перед которой нет нужды щеголять смелостью, а есть тревога о ней и одна забота - успокоить, уберечь. Но кое-где в письмах все же чувствуется горячее дыхание фронта, которое вскоре воплотится в книге в суровый образ Войны.

Повесть «В окопах Сталинграда» была написана, когда бои остались позади. Успех был ошеломляющий. В 1946 году - публикация в журнале «Знамя». На следующий год - Сталинская премия, потом бесчисленные переиздания, еще через десять лет по книге поставлен фильм «Солдаты». А с шестидесятых годов Некрасов считался уже опасным диссидентом. После смерти матери и униженного обыска в 1974 году он был вынужден уехать в эмиграцию.

Поражает промашка сотрудников госбезопасности: на балконе опустевшей квартиры Некрасова они не заметили ящик, в котором находился архив писателя. Но именно благодаря этому сегодня читатель имеет возможность увидеть фронтовые письма Виктора Некрасова к матери.

Осень 1943-го. Виктор Некрасов в Бакинском госпитале с лечащим врачом Евгенией Парсадановой.

Осколок - память о войне (в Сталинграде через 30 лет после боя).

Ленька пошел в редакцию, а я в валенках и «кудайки» рассматриваю журналы по искусству, спасенные Ленькой из соседкиной пачки. Завтра намечают поход в баню, а послезавтра, вероятно, двину дальше. Ну вот пока и все. Крепко вас целую. Надеюсь, что это письмо до февраля до вас все-таки дойдет.

Вика.

3.1.44.

Сегодня мороз. Впервые за все время появилось солнце. И ветер. Первый зимний день. В хате тепло, хотя единственный вид топлива здесь - солома. Хозяин жарит нам картошку - вчера мы получили масло. Я здесь уже четвертый день. Работой или, вернее, занятиями нас особенно не утомляют. Вчера и позавчера вообще занятий не было. Сажу в хате и читаю. Кончил Дюма. Вчера прочел «Диктатора Петра» и «В тулупе». Хотя это и 23-й год, но я поражен, как тогда разрешали печатать такие вещи. - А с книгами здесь туговато, надо было больше из Киева взять. Достал у какого-то парнишки «Девяносто третий год» на украинском языке - постараюсь дней на 5 растянуть. Газет с Днепротровска не читал. Питаемся только доходящими слухами. У вас вокруг Киева дела как будто совсем хорошие. И у нас здесь, кажется, неплохо. Канонада с каждым днем все тише и дальше. Но без газет трудно и скучно. И в полку, и в госпитале, и в Сталинграде, даже в самые трудные минуты, мы аккуратнейшим образом получали даже московские газеты. Интересно, сколько меня здесь продержат. Начфина еще не видал. Он в другом селе и сейчас без денег. За декабрь уже платил здесь, т. что я, вероятно, получу сразу за 2 м-ца. А письма от вас, если только задержусь здесь, начну получать не раньше февраля. Ну, целую.

Вика.

22.04.44. № 13

Поздравьте! Наше соединение наградили орденом Богдана Хмельницкого за Одессу. Это уже третий орден, т. что название нашей части теперь одним дыханием не скажешь - 14 слов!

У нас пока по-прежнему. Между прочим, не получили ли вы чего-нибудь от Януров или Галины Бавий? Я не знаю их тепер. адреса и не могу написать. Целую.

Вика.

13.05.44.

Сейчас совсем нет времени писать письма. Много работы. А весна чудесная. Здесь бы на берегу красивой реки, среди цветущих яблонь и вишен отдыхать и мирно купаться, но, к сожалению, на это времени не хватает. От почты мы сейчас оторвались, поэтому письма, возможно, будут идти не регулярно. Крепко целую.

Вика.

15.05.44.

Видишь, мама, как я часто пишу, хотя писать особенно не о чем. Все по-прежнему. Война войной. Вчера вечером принесли очередную пачку писем. К счастью, оказалась свечка. От тебя только одно, и то старое № 27. От Иончики, от Ленки, от П. Нестеровского, ну и, конечно, из Баку. Письма для нас - это сейчас самая большая радость. Сначала каждый читает свои письма, а потом начинаем читать друг другу. Вот так и живем. Не нравится мне, что фриц заладил опять к вам. И часто? Слышно ли что-нибудь о Янурах? Почему они не появляются и молчат? Ведь я оставил С. А. ваш новый киевский адрес.

Крепко целую.

Вика.

21.05.44

Кажется, № 22 (все время сбиваюсь) Продолжаю заниматься земляным строительством. Живу в палатке на вольном воздухе. Варим себе на костре пищу - различные каши и супы и только слышим, как далеко-далеко грохочут пушки да самолеты вереницами летят на Запад.

Очень давно что-то не получал от вас писем, да и ни от кого. Значит, опять придет сразу целая пачка.

Писать больше буквально не о чем. Сегодня или завтра наш нацист сделает вам перевод - 2000 рублей. Кроме того, с этого месяца вы должны уже получать деньги по аттестату. Ближайшие 2 месяца кроме аттестата высылать денег не смогу, т. к. хочу расплатиться с займом.

Ну, - крепко целую и жду писем.

Вика.

8.06.44. 26 или 27

Дня три вам не писал, и уже чего-то не хватает. Ну - поздравляю со вторым фронтом! Наконец-то! Дождались! Надеюсь, что к моменту прихода этого пись-

ма к вам бои будут уже у самого Парижа. Конечно, и у вас так же, как и у нас, это сейчас основная тема всех разговоров, и спрос на карты Франции очень велик. Я оказался все-таки тоже предусмотрительным. Еще на Буге, кажется, я нашел в грязи небольшую карту Франции и в ожидании открытия 2-го фронта подобрал ее. Вот и пригодилась. Есть еще и Норвегия. Авось и там высадут.

Наша жизнь в сказочном лесу, в котором так хорошо пахло акацией и в кот. мы так уютно устроились - палатки, дорожки, самодельные столики и скамейки, - окончилась. Мы отъехали от своего расположения на 20 км и превратились в... косарей! Устроились тоже в лесочке, но пониже и помельче и на косогоре. В общем, конечно, тоже не плохо, но кино нам теперь уже не видать, а главное, почта далеко - на старом месте. Впрочем, по-видимому, долго мы здесь не просидим и уедем. Погода чудесная, солнечная. Жаль только, купаться негде. Третьего дня ходили, правда, за 3 км на ставок - помылись и немножко загорали, но это было еще на прежнем месте, а здесь поблизости ничего мокрого нет. В прошлом году в это самое время мы жили под Кулянском на самом берегу озера и целыми днями купались.

Посылаю вам любопытное письмо, кот. получил из Москвы. В период безделья в Апостолово мы с Обродовичем, как-то прочитавши в «Правде» статью акад. Щусева о восстановлении Сталинграда и о предполагаемом устройстве парка культ. и отдыха на Мамаевом кургане (место, на кот. мы провозвали 5 месяцев в Сталинграде), - написали статью в «Правду». Ответ вам и пересылаю. И газетную статью тоже пересылаю. По-видимому, наше письмо возымело все-таки какое-то действие. Посылаю вам и свою фотокартку, снятую для удостоверения. Письма получаю более или менее регулярно. За все время получил уже около 70 штук. Недавно получил письмо еще от одного своего госпитального друга - замечательного милого мальчика Саши Кондрашева. Он тоже где-то тут, совсем рядом. Может, и встретимся. В ручке кончаются чернила. Пора и мне кончать.

Жду писем.

Если поедем, будет большой перерыв - у меня, конечно, а не у вас. Я вам буду со всех станций посылать. Крепко целую.

Вика.

16.06.44. Кажется, 27

Приехали в Коростень, через несколько минут едем дальше. По-видимому, будем менять Украину на Белоруссию. Едем хорошо - быстро и безостановочно. Погода испоганилась. Сегодня все небо обложилось и течет по-осеннему.

И всего я в каких-нибудь 150 км от вас. Пока до Казарины не доехали, где-то в глубине теплилась еще надежда, что поедем вправо, а не влево, хотя все прекрасно понимали, что в Киеве нам делать нечего.

Ну пока. Всего хорошего.

Вика.

29.06.44

Сбилсь! Будем считать - 35

Вчера вечером, на 16-й день перерыва, пришли первые письма - два от тебя от 30.5 и 5.6 (48 и 50) и одно от Ленки. Надеюсь, что это начало целого потока писем, накопившихся за этот промежуток времени. И газеты московские стали получать, даже на второй день после их выпуска. Сразу стало как-то веселее. Зато метеорологически стало куда скучнее. Второй день льет дождь. Вчера была гроза, а сегодня зарядил серенький,

нудный, с перерывами хронический дождик. Сидим вчетвером в палатке, кушим, пишем письма, читаем. От живописной речки нашей ушли поближе к начальству. Живем в лесу. Нету уже горизонта, синевящих вдаль лесов, камышей и заходящего так красиво солнца. Правда, почта, радио и кино под боком, но все-таки там было лучше. Живем мы по-прежнему вчетвером - я, Люся, Митясов (новый после Кучмы нач. штаба) и наш ординарец Валега. Живем дружно, душа в душу, и я даже сказал бы весело, хотя особых развлечений и нет. Боюсь только, что на место моего славного, всегда веселого, неунывающего Митясова пришлют нового офицера, т. к. он временно занимает эту должность. Он, т. сказать, выдвиген - в бат-н пришел в Сталинграде солдатом и вот дорос до нач-ка штаба. Несколько дней тому назад мы все снимались общей офицерской группой и потом поодиночке или попарно, по желанию. Дня через 2 - 3 будут готовы карточки, и я вам вышлю.

Ты все боишься, что я вернусь домой в трусах. Могу тебя успокоить - все выданное обмундирование остается за нами, и в крайнем случае первый послевоенный год я похожу как-нибудь и в военном. Кроме того, не все же время нам сидеть в лесу, настанет опять и наш черед гнать фрицев, а у них уже твердо укоренившийся обычай бросать все свое барахло, чтобы было легче бежать.

Я уже за время войны стал не таким уж щепетильным, и меня несколько не корбит немецкий плащ на моих плечах или авторучка в кармане.

Ты не пишешь (или - возможно, не дошло еще письмо) - получили ли вы мой аттестат. И как вы сейчас живете? Сейчас, правда, лето - легче. Не надо дров, и копилки не так донимают. Застеклили ли вы окна? Как дела с уборной? Неужели до сих пор на 3-й двор бегаешь? Как взаимоотношения с соседями? Утихла ли уплотнительная кампания? Ты спрашиваешь о Иончике. Да я толком и сам о нем ничего не знаю. Письма от него приходят редко и все рассудительно-философского порядка. О жизни своей почти не пишет, Ленка писал мне, что он стал заслуженным, но сам он об этом ничего не пишет.

Ну, все. Целую.

Вика.

5.07.44.

Чудное, солнечное утро. Только что вернулся с Митясовым с последней известий (взяли Полоцк), позавтракали пшенной кашей с томатным соком, отметили на карте продвижение фронта (вот здорово пошли в Белоруссию!), и сейчас не знаю как-то, чем заняться. Домики наши мы уже почти все кончили. Симпатичные получились, вроде сказочных избушек бабы-яги. Вот только жить в них, по-видимому, особенно не придется. Отдых наш, кажется, приходит к концу. Вчера, благодаря тому, что часть наших людей работала на реке, - замечательно покупался. Вот все наши события. Вот уже больше месяца, как мы так мирно живем. - Письма что-то опять прекратились. По одному, по два письма на бат-н приходит. Ну, целую.

Вика.

Сегодня должны быть готовы наши карточки.

23.07.44.

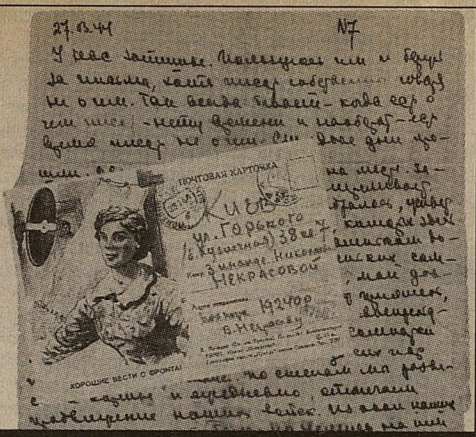
Представляю, как вы волнуетесь, не получая от меня писем. Но, ей-Богу, я с первого дня наступления все собираюсь, и буквально нет свободной минутки. Немец бежит так, что мы его и не видим. Мы делаем по 30 - 35 км в день и никак догнать не можем. Сейчас, если не тронемся дальше, напишу подробное письмо. А это на всякий случай. Крепко целую.

Вика.

Следующего письма не было. «...Нечто подобное произошло со мною в Люблине, - напишет позже Некрасов. - Наполеон, забыв о себе, танкистов пивом, размахивая пистолетом, с победными криками бросился вперед на Краковское предместье, за что и был награжден снайперской пулей».

Затем снова Киев, госпиталь. «Вам надо приучать пальцы руки к мелким движениям», - поучал раненого врач по фамилии Шпак. Так Некрасов начал писать о Сталинграде...

Публикация
Владимира ПОТРЕСОВА

Харьков. 22.12.43.

Наконец-то, вчера вечером, на 6-ые сутки мы добрались до Харькова. Думали 2-3 дня, а вышло шесть. Ехали в основном благополучно, хотя не без обязательных автомобильных происшествий. До Полтавы, можно сказать, ехали все время хорошо, без всяких инцидентов. В Полтаве же кончился бензин, и спас нас редактор полтавской газеты - Ленин знакомый, - давший нам 30 литров, которые и дотянули нас до Харькова. После Полтавы стала понемножку портиться машина, и в 30 км от Харькова настолько в ней все поломалось, что мы уже было пешком двинулись дальше. Но все-таки в конце концов починить удалось, и мы с грехом пополам, вздрагивая от страха перед каждой попутной ямкой, добрались до Харькова. Ночевали мы в селах, в хатах, население приветливое и охотно нас кормило, т. что хлеб и колбаса почти нетронутые приехали к нам сюда. Мерзляк в дороге порядочно - машина открытая, - но в основном только ноги, т. к. мы с головой накрывались брезентом, спасавшим нас от ветра. Кроме того, согреться можно было и в кабине шофера. В Харькове нас ждало маленькое разочарование: Лида - Ленина жена - улетела в Москву на 3 дня и вот уже скоро 2 недели как отсутствует. Зато в Ленкиной комнате мы застали его приятеля - журналиста с женой, временно «приюченных» Лидой в их комнате. Славная пара. Он - моряк, объездивший весь земной шар, она - как будто узбечка, хотя и зовут Шурай. Накормили нас жареной картошкой с салом и горячим кофе, не считая четвертушки водки. С дороги все это было очень приятно, тем более что в квартире холоднее, чем у нас в Киеве. Дров тоже нет. Освещение тоже копилочное. Приятель к тому же заболел еще плевролитом, одним словом, жизнь тоже не ахти какая сладкая. Сейчас